

ИРИНА РЕЙЕВНА ТАКАЛА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводский государственный университет, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6487-9358; irina.takala@onego.ru

ФИНЛЯНДСКИЙ И КАРЕЛЬСКИЙ КОНТЕКСТЫ РУССКО-ШВЕДСКИХ ВОЙН: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А н н о т а ц и я . Финляндский и карельский контексты русско-шведских войн очень слабо изучены в отечественной историографии. Автор статьи, анализируя сложившуюся ситуацию, обращает внимание на необходимость изучения и сопоставления национальных историографий России и Финляндии с целью рассмотрения исторических событий и процессов в сравнительно-исторической и кросс-культурной перспективах. По мнению автора, совместное обращение историков обеих стран к региональному и локальному измерению триады «история – память – травма» может способствовать преодолению разрушительных последствий исторического травматического опыта, поможет скорректировать национальные гранд-нарративы и ослабит угрозы секьюритизации истории.

Ключевые слова: Россия, Финляндия, Карелия, русско-шведские войны, историография, историческая политика, политика памяти

Для цитирования: Такала И. Р. Финляндский и карельский контексты русско-шведских войн: к постановке проблемы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 78–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.621

ВВЕДЕНИЕ

Значения слова **история** менялись на протяжении тысячелетий. Изменялись методы и подходы к изучению прошлого, подвергалась сомнению сама возможность и успешность этого изучения. Но всегда оставалось фактом, что историческое исследование неизменно представляет собой некий синтез прошлого и настоящего.

В XVIII–XIX веках, когда история только становилась наукой и не была еще специализированным знанием о прошлом, настоящее, определяемое идеологическими и социально-политическими факторами, играло для исторического дискурса весьма важную роль. Национальные историографии в эпоху нациестроительства выполняли задачи конструирования национального прошлого, осуществляя вместе с государством контроль над национальной памятью [16], [17]. Влияние настоящего ощутимо присутствовало и в XX веке, остается оно и сейчас, хотя практически все серьезные исследователи сегодня признают, что попытки конструировать прошлое,

руководствуясь текущими интересами, делают несостоятельными претензии на научность [18: 86], [20: 20].

Но, что бы ни говорили сами историки, в политическом дискурсе любого государства вопрос отношения к прошлому и его интерпретации занимает важное место. Политизация истории – по сути дела неизбежная и неизбывная вещь, она появляется вместе с национальными историографиями, она никуда не делась и сегодня. Столь же неизбежна и политика памяти – нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу. В наше время конфликты в сфере интерпретации прошлого приобрели в мире настолько острый характер, что в обиход вошло понятие «войны памяти» [5], [11]. Во многих странах сегодняшняя историческая политика – это набор практик, использующихся в первую очередь для легитимации действий существующей власти, а политика памяти – для формирования коллективной идентичности, которая призвана эту деятельность поддержи-

вать [1], [10], [13]. При этом конфликт ценностей, стоящий за различными подходами к политике памяти, как и конфликт между космополитической культурой памяти и антагонистической, националистической культурой памяти [10: 7–8], до сих пор не разрешен. К тому же сосредоточенность внимания исследователей в основном на столицах, властных структурах, национальных нарративах и местах памяти затеняет собой тему регионального и локального измерения политики памяти. В ряде же случаев локальные (или групповые) нарративы находятся в очевидном противоречии с большим общегосударственным нарративом.

В последние десятилетия внимание историков все больше фокусируется на вопросах, связанных с соотношением истории и памяти, памяти и идентичности, с изучением форм сохранения и трансляции социально значимой информации и способов обращения с прошлым [17: 5]. Исследуются типы исторического сознания, феномен «мест памяти», ритуалы коммеморации, «политика памяти», «историческая политика».

Актуальным остается и вопрос о специфике практик историописания. Восприятие и репрезентация прошлого зависят не только от условий историко-культурного пространства, но также от ситуации, статуса и целеполагания ученого-историка. Как активные члены общества, вовлеченные в политические и идейные конфликты, историки, производители знаний о прошлом, тоже становятся участниками политики памяти. Вместе с тем неизбежная вовлеченность историка в современную ему культуру не должна трансформироваться в откровенную политическую ангажированность, когда в исторических нарративах отобранные «факты» прошлого изображаются в соответствии с господствующей в государстве, обществе или социальной группе оптикой [12: 212], [17: 5].

И в этом плане обращение к истории истории – историографии – помогает историку сохранять независимость суждений, оставаясь в рамках профессионального производителя знаний о прошлом. Конечно, как отмечал П. Нора, всякая история является критической по своей природе, и все историки всегда претендовали на то, чтобы разоблачить ложные мифологии своих предшественников.

«Но нечто фундаментально иное возникает в тот момент, когда история начинает создавать свою собственную историю. Рождение историографической озабоченности – это стремление истории вытравить из себя все то, что не является историей» [15: 22].

Для того чтобы понять, как и зачем появляются национальные символы, как создаются социальные представления о прошлом, каковы механизмы их формирования, надо сегодня спорить не столько об истории, сколько об историографии. Особенно актуальны изучение и сопоставление национальных историографий соседних стран, что ведет к рассмотрению исторических событий и процессов в сравнительно-исторической и кросс-культурной перспективах. Совместное исследование трудных, травматических тем прошлого, конструктивный, межнациональный диалог историков должны способствовать производству действительно научного знания о прошлом и привести если не к полному согласию, то во всяком случае к взаимопониманию.

ФИНЛЯНДСКИЙ КОНТЕКСТ РУССКО-ШВЕДСКИХ ВОЙН В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Русско-шведские войны за Финляндию, как известно, начались в XII столетии и продолжались на протяжении шести веков. Память о них среди населения Финляндии формировала финскую идентичность, чему в немалой степени поспособствовали национальные историки, во многом производя эту память.

С момента своего профессионального становления финляндская национальная историография, обозначая самое яркое, давала русско-шведским войнам (а затем и советско-финляндскому противостоянию) эмоциональные названия, которые очень быстро закреплялись в коллективной культурной памяти и, несомненно, способствовали росту коллективных идентичностей в тот или иной временной промежуток. Чтобы обрести свою идентичность, а затем не утратить ее, историки и политики активно прибегали к нарративам о виктимизации. Освоение и новое присвоение травматического опыта прошлого, постоянное воспроизводство его следов и симптомов оставались способом самосохранения нации и в первой половине XX века.

Одним из таких дискурсивных маркеров стало понятие **Ryssäviha** (русская ненависть). Почва для укоренения этого концепта была подготовлена усилиями историков-фенноманов, броско назвавших и с подробностями описавших бедствия прежних веков, перенесенные финским народом, которые до этого времени весьма фрагментарно и невнятно вспоминались в фольклоре и местных исторических преданиях. То есть формировавшаяся профессиональными историками

«историческая память» народа определяла те элементы прошлого, которые «воскресали» в сознании людей лишь в результате исторических изысканий, а не индивидуальных воспоминаний. Концепт *Ryssäviha* оказался очень востребованным в начале XX века, в период гражданской войны 1918 года и становления независимой Финляндии [32], [38]. Созданные же историками названия событий, отражавших противостояние финского и русского народов, закрепились в историографии и народной памяти¹.

Если обратиться к интернету, то в русском сегменте повсеместно речь идет о русско-шведских войнах разных лет. Финны же давали каждой войне свое особое название:

Русско-шведская война 1495–1497 = *Vanha viha* (Старая ненависть)

Русско-шведская война 1554–1557 = *Suuri Venäjän sota*, *Kustaa Vaasan Venäjän sota* (Большая русская война или Русская война Густава Вазы)

Русско-шведская война 1590–1595 = *Pitkä viha* 1570–1595, *25-vuotinen sota* (Долгая ненависть, 25-летняя война)

Русско-шведская война 1610–1617 = *Inkerin sota* (Ингерманландская война)

Русско-шведская война 1656–1658 = *Ruhtuurisota*, *Kaarle X Kustaan Venäjän sota* (Раскольничья война, Русская война Карла X Густава)

Великая Северная война 1700–1721 = *Isoviha* 1713–1721 (Большая ненависть, Великое лихолетье – период русской оккупации Финляндии)

Русско-шведская война 1741–1743 = *Pikkuviha*, *Hattujen sota* (Малая ненависть, война «шляп»)

Русско-шведская война 1788–1790 = *Kustaa III:n sota* (Война Густава III)

Русско-шведская война 1808–1809 = *Suomen sota* (Финляндская война)².

Эти названия войн отчасти сохраняются и в современных научных изданиях [37], [39], [40].

Как же оценивались и интерпретировались эти же события в российской историографии и в какой степени они присутствуют в нашей культурной памяти?

Интерес к Финляндии имеет в России давнюю традицию, первые разрозненные сведения об этом крае можно найти уже в русской литературе и публицистике XVIII века. Но в них Финляндия еще не являлась предметом самостоятельного исследования, а рассматривалась в контексте русско-шведских отношений, что вполне соответствовало ее геополитическому статусу. Собственно Финляндией в России на-

чинают интересоваться в XIX веке, когда она становится составной частью Российской империи. Но главный интерес был сосредоточен на внутренних взаимоотношениях имперских властей с новыми подданными, а затем на так называемом «финляндском вопросе». Финляндский контекст русско-шведских отношений на протяжении двух столетий интерпретировался российскими исследователями скупно, не слишком разнообразно, трансформируясь тем не менее под влиянием внешних социально-политических обстоятельств в интерпретацию и репрезентацию российско/советско-финляндских конфликтов.

Применительно к событиям XX века, конечно, есть что сравнивать в наших историографиях и о чем писать. Но, чем дальше вглубь веков, тем сложнее становится эта задача – в российской историографии (тем более исторической памяти) Финляндия и финляндско-российские взаимоотношения занимали чрезвычайно малое место и всегда оказывались затенены гораздо более важными и значимыми с национальной и государственной точки зрения вещами. О Финляндии в контексте русско-шведских войн отечественные историки вспоминали, как правило, лишь тогда, когда появлялась насущная потребность (социальный, политический заказ) опровергнуть те или иные оценки, противоречащие национальным интересам. Если такой необходимости не было или событие слишком далеко удалено по времени, о нем ничего не писали или упоминали вскользь.

Если финляндский аспект шведско-новгородских войн в той или иной степени все же затрагивался в исторических исследованиях [22], [23], [24], то специальные работы о русско-шведских войнах XV–XVII веков в отечественной историографии практически отсутствуют, о них вспоминают лишь в контексте более важных для России событий, таких, например, как Ливонская война или Смута. То, что в финской историографии именуется *Suuri Venäjän sota* 1555–1557 (*Kustaa Vaasan Venäjän sota* – Великая русская война или Русская война Густава Вазы), в российских исторических работах если и упоминается, то лишь как прелюдия к Ливонской войне. При этом о Финляндии, для которой эта война – что видно уже из ее названия – была весьма значимой, как правило, не упоминается вовсе. Или с ошибками. П. Майков, например, великой русской войной называет войну 1495–1497 годов (*Vanha viha*) [9: 47].

Еще нагляднее это несовпадение в расстановке акцентов и приоритетов выглядит применительно к войнам второй половины XVI века. В российской историографии очень немного писали об очередной Русско-шведской войне 1590–1595 годов, итогом которой стали Тывзинский мир и изменение границы. Но для Финляндии это была долгая и мучительная война, начавшаяся еще в третий (шведский) период Ливонской войны и длившаяся 25 лет – *Pitkä viha* 1570–1595.

То же самое можно сказать и о том, что в финляндской историографии именуется *Isoviha* (*Stora ofreden*) – страшный период оккупации Финляндии русскими войсками в 1713–1721 годах в период Великой Северной войны. Российская историография занималась этим очень мало – гораздо важнее были сражения на фронтах и последствия войны. Немногочисленные обращения отечественных историков к тому, что происходило в Финляндии, можно назвать вынужденными – все они, как правило, это реакция на освещение событий в финляндской историографии и опровержение этих трактовок. Отрицание и оправдание жестокостей оккупации мы видим и в дореволюционной литературе [2], [9], и в советской историографии [25], и в постсоветской исторической прозе [27], [28], [29]. Результаты этих исследований напоминают о том, что предназначением исторических нарративов порой становится не только попытка реконструировать прошлое, но и выработка эффективных механизмов его подмены и забывания с теми или иными целями.

Как следствие, у нас мало что знают и помнят об этих событиях и сам рассказ об оккупации становится для многих шоком. Весьма показательна в этом плане история со страницей в русской Википедии о русской оккупации Финляндии 1713–1721 годов. Страница появилась под названием «Великое лихолетье», и это был перевод финской версии аналогичной статьи, основанной главным образом на публицистической работе Вильё Раута, написанной в разгар войны-продолжения в 1943 году [35]. Известные ранее и эмоционально поданные факты повергли пользователей в шок, посыпались требования удалить страницу. Здравый смысл все же победил, страница была переименована («Финляндия в Северной войне»), отредактирована и оставлена, хотя, конечно, ее надо еще править и править. Но как это сделать рядовому пользователю при полном отсутствии современных отечественных исследований по теме? Нет и пе-

реводов работ, продолжающих выходить в Финляндии.

ЕСТЬ МНОГО РАЗНЫХ КАРЕЛИЙ

Осмелимся предположить, что столь же мало современные россияне и даже жители Карелии знают об истории карельского народа.

В 1323 году Швеция и Новгород произвели первый официальный раздел земель, и финно-угорский мир, оказавшийся некоей буферной зоной между Западом и Востоком, был расколот и разобщен, продолжая сохранять при этом свою вполне узнаваемую идентичность. В более широком смысле – приграничные территории превращаются в обширную зону разлома между двумя цивилизациями Запада и Востока, между православной и католической, а затем лютеранской церквями и культурами. С другой стороны, во многих смыслах они оставались широкой контактной зоной этих культур, существовавшей вопреки российско-шведскому противостоянию.

Систематическое переселение карелов из Приладожья вглубь русских земель началось еще с XIII века, но лишь войны XVI–XVII веков существенно меняют геополитический ландшафт региона. Трагической истории карельского народа в этот период в отечественной историографии уделялось больше внимания, нежели истории Финляндии. Тем не менее в общих трудах по истории России мало кто обращался к судьбам приграничного населения, для которого события Ливонской войны стали началом большого исхода с родных земель.

В 1580 году шведскими войсками под командованием Понтуса Делагарди была захвачена территория Корельского уезда. Карельское Приладожье было опустошено: из 4 тысяч дворов жилых осталось только 440 [4: 238]. В 1583 году, согласно заключенному Плюсскому мирному соглашению, Корельский уезд перешел под власть Шведской короны и был переименован в Кексгольмский лен. С этого времени начинается активное переселение карелов из Приладожья на восток, в русские земли. Например, в Сердобольском погосте в 1583 году насчитывалось 699 опустевших дворов (дымов), а жилых – всего лишь 114; в Соломенском погосте не осталось ни одного жилого двора, так как все жители ушли в Россию [33: 11]. Только после Тывзинского мира 1595 года, когда Корельский уезд снова был включен в состав Русского государства, значительная часть переселенцев вернулась на старые места [26: 36–39].

Войны XVII века кардинально поменяли состав приграничного населения, прежде всего Карельского перешейка и Приладжья.

В российской историографии, как правило, говорят о двух русско-шведских войнах – 1610–1617 и 1656–1658 годов. Но шведскую интервенцию в Россию начала века собственно войной назвать нельзя, она осуществлялась в соответствии с договором о военной помощи Василию Шуйскому. Конечно, события Смутного времени и Столбовский мир весьма значимы для дальнейших взаимоотношений между нашими странами, но об их последствиях для приграничного населения вспоминают нечасто.

Меду тем после заключения Столбовского мира, по которому к Швеции перешли Ивангород, Копорье, Ям, Орешек и Корела, переселение карелов на территорию Русского государства принимает значительные размеры. Точных сведений нет, однако приблизительные данные можно иметь на основании указаний некоторых источников. Так, в царской грамоте 1650 года псковичам указывается, что из-за шведского рубежа на русскую сторону перебежало до 50 тысяч душ. Здесь дается общее количество переселенцев из Корельского уезда и Ижорской земли – как карелов, так и русских [30: 331–332]. Считается, что число карелов, переселившихся из Корельского уезда в Россию за первую половину XVII века, составило свыше 25 тысяч человек [7: 43]. Одной из причин нараставшего бегства на восток была активная церковная политика шведских властей: с Карельского перешейка православные приходы исчезли очень быстро.

События 1656–1658 годов на самом деле были частью так называемой Первой северной войны 1655–1660 годов, более крупного политического конфликта Швеции с Речью Посполитой, когда Россия попыталась использовать ситуацию для возвращения утраченных земель. Православное население встречало наступавшие войска как освободителей и помогало им, а внутри границ шведского государства впервые со времен крестовых походов началась религиозная война³.

Шведские войска и лютеранское население одержали в итоге победу. С отходом русских из Приладжья переселение карелов в пределы Русского государства становится массовым: во время войны с отступившими русскими войсками ушло в Россию примерно 4350 карельских семей, или около 22 тысяч человек [7: 44]⁴. В российское подданство переходили не только карелы, но и финны, проживавшие вместе с карель-

ским населением. Свой переход они закрепляли принятием православной веры, причем крещение финнов оказалось столь массовым, что из-за недостатка православных священников русские не успевали крестить всех желающих [6].

Наибольшее число карелов (примерно 40 тысяч человек) оказалось в Бежецком Верху (в Бежецком, Новоторжском, Тверском, отчасти Ярославском и Углицком уездах), получившем в дальнейшем название Тверской Карелии. Часть карелов осталась на Новгородской земле, в районах Новгорода, Валдая, Старой Руссы, Тихвина и др. [7: 45]. Большое число переселенцев обосновалось на территории современной Карелии. До середины XVII века переселение было небольшим по размерам и не могло привести к образованию в этом районе сплошного карельского населения. Собственно карельское население появилось здесь, по всей вероятности, в результате массового переселения середины XVII века [3: 38]. К сожалению, в письменных источниках процесс переселения карелов в восточную Карелию отражен очень слабо. Известно, что к началу XVII века в восточной Карелии имелось еще много незаселенных или малозаселенных пространств, главным образом в западных районах средней и северной Карелии, где обитали лишь немногочисленная лопь (саами) и незначительное число карелов. К тому же когда-то густонаселенный Олонецкий перешеек и часть Заонежских погостов в результате шведской интервенции начала XVII века оказались основательно разоренными [6]. Очевидно, что отмеченные исследователями применительно ко второй половине XVII века интенсивное восстановление экономической жизни в крае, активная разработка опустевших и освоение новых, прежде не обрабатывавшихся земель [14: 101–105], не могли бы происходить без притока рабочей силы, которой и явились карельские переселенцы. О наличии на Олонецком перешейке, в Заонежских и Лопских погостах большого количества карел-переселенцев свидетельствуют и лингвистические данные [3: 43].

Карельский перешеек к концу XVII века почти полностью сменил свое население, и дальнейшая история карельского народа, разделенного границей и расколотого на несколько ареалов расселения, уже не связана со старой племенной территорией, на которой в течение предшествовавших пяти столетий находился основной центр Карелии.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Историческое прошлое России и Финляндии неразрывно связано. Контакты и конфликты, неоднократные изменения границы, перемещение населения – неотъемлемая часть общей истории двух стран. И для Карелии, и для Финляндии эти трансформации стали существенным фактором этнополитической, социальной и экономической истории. Вместе с тем исследования и повседневная практика показывают, что население российско-финляндского порубежья не всегда располагает достоверной и аргументированной информацией, которая зачастую подменяется мифами и стереотипами. И если многие события «незапамятных времен» просто забыты, то дискуссии о советско-финляндских отношениях XX века все больше воспринимаются в современной России через призму угрозы национальной безопасности. Происходит то, что принято сегодня называть секьюритизацией истории и исторической памяти [8], [11], [20].

В 2018 году стартовал большой зонтичный российско-финляндский проект «Есть много разных Карелий / On monta eri Karjalaa», инициаторами которого выступили: с российской стороны – междисциплинарные научно-образовательные центры FENNICA (ПетрГУ) и NORDICA (ИЯЛИ КарНЦ РАН), с финляндской – Карельское просветительское общество (Karjalan Sivistysseura). Главной целью проекта является знакомство жителей Финляндии и России с историей соседней страны и нашей совместной историей. Популяризация научных

исторических знаний по ключевым проблемам общей истории России и Финляндии очень важна, поскольку, только лучше узнав друг друга, люди приходят к взаимопониманию, устаревшие мифы и стереотипы сменяются объективным взаимовосприятием, а конфронтация и недоверие – конструктивным сотрудничеством. В задачи проекта входит формирование устойчивых каналов распространения научного знания: диалог специалистов с широкой аудиторией, переводы исторической литературы с русского языка на финский и с финского на русский, проведение исторических семинаров и совместных научных исследований, активное освещение и обсуждение мероприятий проекта в соцсетях и СМИ, что, на наш взгляд, должно способствовать укреплению доверия между народами России и Финляндии.

Конструктивный диалог историков обеих стран, сближение историографических школ, память об общем прошлом и осознание ценности не только своей истории могут способствовать преодолению разрушительных последствий исторического травматического опыта. Кроме того, профессиональные, базирующиеся на анализе и критическом дискурсе исторические нарративы, при широком распространении этого научного знания, способны успешно противостоять постоянно усиливающимся со стороны властных акторов попыткам секьюритизации исторической памяти и символических практик с целью закрепить в общественном сознании определенные и не всегда конструктивные трактовки прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Весьма показательным в этом плане является, например, постоянное возвращение финляндских историков к теме русской оккупации Финляндии во время Великой Северной войны именно в самые сложные периоды наших отношений. См.: Gummerus J. Muistelmia Ison vihan ajoilta. Helsinki: Gummerus, 1913; Lindeqvist K. O. Isonvihan aika Suomessa. Porvoo: WSOY, 1919; Cajander K. A. Isonvihan ajoilta Uudessakaupungissa. Uusikaupunki: Helmer Winter, 1931; Rauta V. Isoviha. Helsinki: Sanatar, 1943.

² Точный перевод этих названий на русский язык сложен, тем более что некоторые из них появились еще в XIX веке изначально на шведском языке. Устоявшимся в российской историографии можно назвать только вольный перевод понятия Isoviha – Великое лихолетье, данный авторами рубежа XIX–XX веков.

³ Отсюда и название войны – Ruptuurisota от слова ruptuuri/repeämä ‘разрыв, разлом’, в данном случае религиозный раскол.

⁴ Следует отметить, что в финляндской литературе приводятся иные цифры карельского исхода: до войны 1656–1658 гг. из Кексгольмского лена ушло в Россию около 11 тыс. человек, в годы войны ещё примерно 15 тыс. Всего из захваченной шведами Карелии в XVII в. бежало свыше 30 тыс. жителей (Kirkinen, H., Nevalainen, P., Sihvo, H. Karjalan kansan historia. Helsinki: WSOY, 1994. S. 167; русский перевод: Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: Б.и., 1998. С. 129–131). См. также: Saloheimo V. Entisen esivallan alle uusille elosijoille. Ortodoksikarjalaisten ja inkeroisten poisuutto 1500- ja 1600-luvulla. Joensuu: Pohjois-Karjalan historiallinen yhdistys, 2010. 218 s.; Laasonen P. Novgorodin imu. Miksi ortodoksit muuttivat Käkisalmen lännistä Venäjälle 1600-luvulla? Helsinki: SKS, 2005. 171 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 323 с.
2. Бородин М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб.: Государственная тип., 1910. 337 с.
3. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск: Госиздат К-Ф ССР, 1947. 53 с.
4. Гадзяцкий С. С. Карелия и Южное Приладожье в войне 1656–58 гг. // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 236–281.
5. Ефременко Д. В., Малинова О. Ю., Миллер А. И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. Вып. 5. С. 128–140.
6. Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск: Госиздат К-Ф ССР, 1956 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/perkar/perkar0.htm> (дата обращения 15.03.2021).
7. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983. 288 с.
8. Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 315 с.
9. Майков П. М. Финляндия: История и культура. Ее прошедшее и настоящее. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. «Рассвет» М. М. Стасюлевича, 1911. 552 с.
10. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 223 с.
11. Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. М.: НЛЮ, 2012. С. 7–32.
12. Миллер А. И. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое. The new past. 2020. № 1. С. 210–217.
13. Миллер А., Липман М. Политика памяти в 21 веке. М.: НЛЮ, 2012. 646 с.
14. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии в XVI–XVII вв. Петрозаводск: Госиздат К-Ф ССР, 1947. 175 с.
15. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
16. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: Коллективная монография / Под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.
17. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
18. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 631 с.; Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2006. 751 с.
19. Савельева И. М., Полетаев А. В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 63–88.
20. Севастьянова Я. В., Ефременко Д. В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. 2020. № 2. С. 66–86.
21. Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». М.: Интер-Версо, 1991. 272 с.
22. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. М.: Наука, 1987. 177 с.
23. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 245 с.
24. Шаскольский И. П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII – начало XIV вв. Петрозаводск: Карелия, 1987. 146 с.
25. Шаскольский И. П., Беспятовых Ю. Н. Россия и Финляндия в годы Северной войны (1700–1721) // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1985. С. 12–33.
26. Шаскольский И. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск: Госиздат К-Ф ССР, 1950. 168 с.
27. Широкоград А. Б. Северные войны России. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001. 43 с.
28. Шкваров А. По закону и казачьему обыкновению. К вопросу о «геноциде и военных преступлениях» казачества в Финляндии во время шведско-русских войн XVIII–XIX вв. Хельсинки: RME Group Oy, 2008. 304 с.
29. Шкваров А. Северная война (1700–1721 гг.): Донское казачество на прибалтийском театре. Хельсинки: RME Group Oy, 2009. 100 с.
30. Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М.: Унив. тип., 1897. 493 с.
31. Kankaanpää M. J. Suuri Pohjansota, Isoviha ja suomalaiset. Jyväskylä: Virrat, 2001. 464 s.
32. Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä: venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1998. 221 s.
33. Karttunen U. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932. 348 s.
34. Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H. Karjalan kansan historia. Porvoo: WSOY, 1994. 605 s.
35. Lindeqvist K. O. Isonvihan aika Suomessa. Porvoo: WSOY, 1919. 727 s.

36. R a u t a V. Isoviha. Helsinki: Sanatar, 1943. 187 s.
37. Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo: WSOY, 2003. 960 s.
38. V i h a v a i n e n T. Ryssäviha. Venäjän pelon historia. Helsinki: Minerva, 2013. 322 s.
39. V i l k u n a K. H. J. Viha: perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. 623 s.
40. V i l k u n a K. H. J. Paholaisen sota. Helsinki: Teos, 2006. 352 s.

Поступила в редакцию 25.01.2021; принята к публикации 16.04.2021

Original article

Irina R. Takala, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6487-9358; irina.takala@onego.ru

FINNISH AND KARELIAN CONTEXTS OF RUSSO-SWEDISH WARS: ADDRESSING THE PROBLEM

Abstract. The Finnish and Karelian contexts of the Russo-Swedish wars have been very poorly studied in Russian historiography. The author analyzes this situation and draws attention to the need to study and compare the national historiographies of Russia and Finland in order to examine historical events and processes from the comparative historical and cross-cultural perspectives. According to the author, the joint approach by historians from both countries to the regional and local dimensions of the “history-memory-trauma” triad could help to overcome the devastating consequences of historical traumatic experiences and adjust national grand narratives, as well as mitigate the threats of history securitization.

Key words: Russia, Finland, Karelia, Russo-Swedish wars, historiography, politics of history, politics of memory

For citation: Takala, I. R. Finnish and Karelian contexts of Russo-Swedish wars: addressing the problem. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):78–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.621

REFERENCES

1. A s s m a n, A. Long shadow of the past. Memorial culture and historical politics. Moscow, 2014. 323 p. (In Russ.)
2. B o r o d k i n, M. History of Finland. The time of Peter the Great. St. Petersburg, 1910. 337 p. (In Russ.)
3. B u b r i k h, D. V. The origin of the Karelian people. Petrozavodsk, 1947. 53 p. (In Russ.)
4. G a d z y a t s k y, S. S. Karelia and the Southern Ladoga region during the war of 1656–58. *Historical notes*. Vol. 11. Moscow, 1941. P. 236–281. (In Russ.)
5. E f r e m e n k o, D. V., M a l i n o v a, O. Yu., M i l l e r, A. I. Politics of memory and historical science. *Russian History*. 2018;5:128–140. (In Russ.)
6. Z h e r b i n, A. S. Migration of Karelians to Russia in the XVII century. Petrozavodsk, 1956. Available at: <http://www.kirjajsh.spb.ru/biblio/perkar/perkar0.htm> (accessed 15.05.2021). (In Russ.)
7. Karelians of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic. Petrozavodsk, 1983. 288 p. (In Russ.)
8. K o p o s o v, N. E. High-security memory. History and politics in Russia. Moscow, 2011. 315 p. (In Russ.)
9. M a i k o v, P. M. Finland: History and culture. Its past and present. 2nd Ed. St. Petersburg, 1911. 552 p. (In Russ.)
10. Methodological issues of the study of memory policy: Collection of research papers. (A. I. Miller, D. V. Efremenko, Eds.). Moscow, St. Petersburg, 2018. 223 p. (In Russ.)
11. M i l l e r, A. I. Historical politics of Eastern Europe in the XXI century. *Historical politics in the XXI century: Collection of articles*. Moscow, 2012. P. 7–32. (In Russ.)
12. M i l l e r, A. I. The policy of remembrance in strategies of formation of national and regional identities in Russia: actors, institutions and practices. *The New Past*. 2020;1:210–217. (In Russ.)
13. M i l l e r, A., L i p m a n, M. Politics of memory in the XXI century. Moscow, 2012. 646 p. (In Russ.)
14. M u l l e r, R. B. Essays on the history of Karelia in the XVI–XVII centuries. Petrozavodsk, 1947. 175 p. (In Russ.)
15. N o r a, P. The problematics of memory spaces. St. Petersburg, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
16. The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives: Collective monograph (A. I. Miller, D. V. Efremenko, Eds.). St. Petersburg, 2020. 632 p. (In Russ.)

17. Past for present: History-memory and narratives of national identity: Collective monograph. (L. P. Repina, Ed.). Moscow, 2020. 464 p. (In Russ.)
18. Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. Knowledge of the past: theory and history: In 2 vols. Vol. 1: Constructing the past. St. Petersburg, 2003. 631 p.; Vol. 2: Images of the past. St. Petersburg, 2006. 751 p. (In Russ.)
19. Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. The benefits and harm of presentism in historiography. *"Chain of times": Problems of historical consciousness*. Moscow, 2005. P. 63–88. (In Russ.)
20. Sevastyanova, Ya. V., Efremenko, D. V. Securitization of memory and dilemma of mnemonic security. *Political Science*. 2020;2:66–86. (In Russ.)
21. Hobsbaum, E. Echoes of the Marseillaise. Moscow, 1991. 272 p. (In Russ.)
22. Shaskolsky, I. P. The struggle of Russia for the preservation of access to the Baltic Sea in the XIV century. Moscow, 1987. 177 p. (In Russ.)
23. Shaskolsky, I. P. The struggle of Russia against the Crusader aggression on the shores of the Baltic Sea in the XII–XIII centuries. Leningrad, 1978. 245 p. (In Russ.)
24. Shaskolsky, I. P. The struggle of Russia against the Swedish expansion in Karelia in the late XIII and the early XIV centuries. Petrozavodsk, 1987. 146 p. (In Russ.)
25. Shaskolsky, I. P., Bespyatykh, Yu. N. Russia and Finland in the years of the Northern War (1700–1721). *Proceedings of the VIII Soviet-Finnish Symposium of Historians*. Leningrad, 1985. P. 12–33. (In Russ.)
26. Shaskolsky, I. The Swedish intervention in Karelia at the beginning of the XVII century. Petrozavodsk, 1950. 168 p. (In Russ.)
27. Shirokorad, A. B. Northern Wars of Russia. Moscow; Minsk, 2001. 43 p. (In Russ.)
28. Shkvarov, A. By law and the Cossack traditions. "Genocide and war crimes" committed by the Cossacks in Finland during the Swedish-Russian Wars of the XVIII and the XIX centuries. Helsinki, 2008. 304 p. (In Russ.)
29. Shkvarov, A. The Northern War (1700–1721): The Don Cossacks in the Baltic Theater. Helsinki, 2009. 100 p. (In Russ.)
30. Yakubov, K. I. Russia and Sweden in the first half of the XVII century. Moscow, 1897. 493 p. (In Russ.)
31. Kankaanpää, M. J. Suuri Pohjansota, Isoviha ja suomalaiset. Jyväskylä, 2001. 464 s.
32. Karemaa, O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä: venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki, 1998. 221 s.
33. Karttunen, U. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932. 348 s.
34. Kirkinen, H., Nevalainen, P., Sihvo, H. Karjalan kansan historia. Porvoo, 1994. 605 s.
35. Lindeqvist, K. O. Isonvihan aika Suomessa. Porvoo, 1919. 727 s.
36. Rauta, V. Isoviha. Helsinki, 1943. 187 s.
37. Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo, 2003. 960 s.
38. Vihavainen, T. Ryssäviha. Venäjän pelon historia. Helsinki, 2013. 322 s.
39. Vilkuna, K. H. J. Viha: perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Helsinki, 2005. 623 s.
40. Vilkuna, K. H. J. Paholaisen sota. Helsinki, 2006. 352 s.

Received: 25 January, 2021; accepted: 16 April, 2021